

Андрей БИТОВ,
обозреватель «Новой»

0.

В хрестоматийном рассказе «Ванька Жуков» мальчишка-подмастерье, жалуясь на жизнь так, что у читателя душа переворачивается, надписывает адрес на конверте: «На деревню, Дедушке» — и бросает письмо в ящик.

Автор этого рассказа высказался незадолго до смерти так: «Меня будут читать еще пять лет, а потом забудут». Но даже Чехов, с его пронизательностью, не представлял, какой это будет век! 1904 — 2004... сами перечислите исторические события.

Сталина уже больше полувека нет. И вот мы все еще читаем и ставим Чехова. Весь мир! Такого, казалось бы, только русского. Не иначе как жалуюсь ему: вот какие мы! Дорогой Антон Пальч... мы невиноваты! Это все они... Надписываем конверт, как Айболиту: «Доктору Чехову».

С другой стороны, всего сто лет прошло...

1.

Антон Павлович Чехов родился 29 января 1860 года, то есть еще в год Козы, а не в год Обезьяны, хотя и на самой его границе, то есть в самый что ни на есть Пушкинский год, через шестьдесят лет, когда восточный год полностью повторяется не только по зверю, но и по стихии — год Металлической Обезьяны. Раз в 60 лет такая напасть. То Пушкин, то Чехов... К тому же родился он в день смерти Пушкина. Не счесть ли, не задумываясь, это знаком?

По своей поэтике Чехов кажется максимально не близким Пушкину. Что же их так сближает в моем сознании? Настолько, что не только до Пушкина и после Чехова, как XVIII век и XX век... а будто между ними ничего не было, ни Толстого, ни Достоевского...

А именно: *вдруг* Пушкин и — сразу Чехов.

По возрасту Пушкин мог бы быть дедушкой Чехова, как Чехов — моим.

3.

Действительно, все слишком недавно. Русская литература прошла свое великое развитие, от Пушкина и Гоголя до Чехова и Блока, тоже за каких-то сто лет.

Так называемый золотой век русской литературы — Пушкин, Лермонтов, Гоголь — даже не обсуждается, как первая брачная ночь: так это было давно, так это заслонено массивами Толстого и Достоевского.

Потом русская литература продолжала преувеличивать свою роль, потеряла иммунитет и простудилась. Требовался врач.

Чехов не преувеличивал своей роли. Он знал диагноз.

Так вот что соединяет Пушкина и Чехова простым соединительным союзом «и»!

Цивилизованность! Цивилизованные люди!

В остальном русская литература гениально дика или дико гениальна. Лишь Пушкин и Чехов аккуратно обрамляют это роскошное варево жанров и стилей. У обоих не торчит ни проповедь, ни агрессия. Оба не спутали роль с назначением. Рыцарь чести и рыцарь стыда. Честь и стыд — рабочие инструменты личности. Отсутствие пафоса, патетики, обнаженной идеи — даже мысль утаена в столь ясном изложении, что может и мыслью не показаться, пока не вырастешь настолько, чтобы ее воспринять.

Оттого про Пушкина надо нетерпеливо провозгласить, что он устарел (от Писарева до Маяковского, вплоть до сегодняшних поползновений), а про Чехова — что он нуден, сер, принижен и т.п. (от его современников, через Ахматову, до Брод-

ского). Чудо явления мирового культурного уровня в одном русском человеке (Пушкин) равносильно чуду явления цивилизованности в русском интеллигенте в первом поколении (Чехов).

Благодостойство и достоинство. Честь и стыд. Сиречь культура.

ло автора и героя; советская власть воздвигла всем классикам памятники, создав в прошлом такое чутунное политбюро русской литературы, апостольскую дюжину предшественников: Пушкин — Лермонтов — Гоголь, Гончаров — Тургенев — Толстой, Чехов — Блок и Горький как переходящее знамя. Достоевский был снова посажен в крепость (не иначе как за признание на Западе).

И стал Чехов как школьный портрет, как автор «Ваньки Жукова» и

связывает по рукам дядю Ваню? почему не летает мертвая чайка?

На Западе именно так не понимают русских: почему это они самих себя не понимают?

Слишком много о себе думают. И в том, и в другом смысле.

5.

Чехов — дальновидец.

Предвидел ли Чехов советскую власть? Вряд ли. Но чем станет XX

принципиальной разницей: я не доехал до Сахалина, а *долетел* — не месяц в пути, а несколько часов. И проехал я Сахалин *навстречу* Чехову не с севера на юг, а с юга на север, и не на лошадях, а на вездеходе. Дорог не было, как и при Чехове. Лошадей не было. Я сидел в кабине с водителем, меня везли бережно, как яичко, и однако путешествие считалось экстремальным. Как же тогда квалифицировать чеховское путешествие?

Подвиг Чехов бы никогда такого слова о себе не употребил.

Он очень ценил всякого трезвого, что-то делающего рационально человека. В сталинское время моим кумиром был великий русский путешественник Пржевальский, и мне было особенно приятно узнать, что некролог ему написал именно Чехов. Он знал, что почему в России по чем не доход, а вклад.

Ничего общего ни с Пржевальским, ни с Чеховым в моем путешествии не было, кроме безмерности родного пространства: проехать лишь один Сахалин на автомобиле заняло у меня неделю. Этот остров на отшибе, сам по себе, размером с нормальную страну: интерес японцев на этом острове легко понять. Именно их экспонатами заполнен местный краеведческий музей, именно там можно узнать кое-что и о коренных жителях.

Нивхи понравились мне больше всего: они были по-чеховски интеллигентны, эти язычники и охотники: не хотели изменять себе, вымирали и знали это. Среди кого им было жить?

Когда я достиг северной точки, города Александровска, где начал свое путешествие Чехов, то раскрыл наконец его книгу на первой странице.

Удивительно написана эта книга! Стиль отсутствия стиля, на который способен лишь стилист самой высокой пробы, придает книге великое достоинство. Я выглянул в окно: не просохшая со времен Чехова лужа разделяла гостиницу и вагончик пивнушки, куда входил утренний непохмелившийся человек, и я усматривал в его чертах черты дедушки-каторжанина, вместе с которым сходил на берег Чехов: разрушенный причал того времени все еще вдавлялся в море. О том, что это *тот же* причал, вам обязательно сообщат как об исторической достопримечательности.

Сахалин хранит о Чехове благодарную память: их посетил великий человек! Трогательные чеховские музеи стали еще и музеями дореволюционного ГУЛАГа, совмещающая в себе литературу с краеведением. <...>

7.

Произведения Чехова почти лишены пафоса или назидания. Проповедь его тайна и проста: будьте наконец как люди! То есть порядочнее и честнее, меньше пейте и лучше работайте, берегите лес и почву... Понятия «экология» тогда еще не существовало. Еще и потому Чехов оказался столь долговечно современен, что сознание его *экологично* по сути.

Тут он также продолжатель Пушкина, ибо Пушкин есть экология русской речи. <...>

Знал ли Чехов, что вымирает, как последний нивх?

Последние слова Чехова оказались: «Их штербе». Это очень волнует праздный русский ум.

Почему по-немецки? Отрезвляя гипотезы, я утверждал, что потому, что доктор рядом был немец и он сообщил ему свое мнение как врач врачу. Недавно я услышал, что он сказал чисто по-русски: «Эх, стерва!» — имея в виду то ли жизнь, то ли жену.

Итак, что *думал* Чехов — неизвестно. И во что верил. Все это сдержанно, все это на поведке художественной задачи. Впрочем... «В наше большое время, когда европейскими обществами обули лень, скука жизни и неверие, когда в странной взаимной комбинации царят нелюбовь к жизни и страх смерти, когда даже лучшие люди слят сложа руки, оправдывая свои лень и свой разрыв отсутствием определенной цели в жизни, подвижники нужны как солнце», — читаем в том же некрологе Пржевальскому, 1888 год.

Мой дедушка Чехов

Я родился в ...

Чехов «Моя жизнь»

Подать шампанского!

Чехов на смертном одре

и прадедушка Пушкин

Автобиография

Типично русская пропасть между художественной культурой и цивилизацией была преодолена лишь в этих двух культурных героях.

4.

Чехов не дожил и до шестидесяти, а лишь до 44-х. Будто поражение в русско-японской войне не пережил — не захотел ни Первой мировой войны, ни революции, ни репрессий, ни эмиграции. Оставил все это своим (не сильно младшим) коллегам Бунину и Мережковскому, Горькому и Куприну. Обошелся без реабилитации.

Меня всегда удивляло, как наш режим *разрешил* русскую литературу. Все диссидентские тексты не казались мне столь же для него разрушительными. Ответ оказался проще, чем я ожидал: проще было приучить неправильно ее читать.

И советская власть не запретила, а присвоила (как и все остальное) дореволюционную литературу: из кого могла — сделала революционеров, из остальных — жертв и разоблачителей царского режима. Русские литературные герои стали такими чучелами людей, тенью своих замученных создателей: то убогими, то падшими, то верноподданными.

Галерея чеховских героев, сыгранных МХАТом, стала окончательно неприглядна и еще состарила Чехова. И стал он такой «человек в футляре», провинциальный докторишка, то есть пережил-таки революцию и принял ее. Советское литературоведение теоретически смешивает

«Каштанки»: такой пожилой, положительный, небогатый... Смотрит на нас добрым взглядом из-под пенсне.

А то, что он был молодой красавец, модник и бабник, любитель погулять (он привязывал себя к стулу, чтобы не сбежать от каторжного письменного стола), любитель приобретать недвижимость (дом в Москве, поместье в Мелихове, вилла в Ялте), уже не входило в имидж члена политбюро русской литературы, и когда я (не так давно) узнал, что он и ростом был под два метра, то испытал своего рода шок. <...>

Что меня более Запада поразило на Западе? Популярность Чехова.

Там его были более способные прочесть в том смысле, в каком он писал: почему вырубается вишневый сад? что

век для России — он чувствовал кожей, как та японская рыбка, что предсказывает землетрясения.

Иначе зачем ему было отправляться в Японию сухопутным путем, зная свой диагноз (туберкулез кишечника), жестоко маясь животом, через всю Сибирь, через весь Сахалин?

Чтобы, как он писал в письме кому-то, «пересчитать японских блядей»?

На Японию как раз у него сил и не хватило. Пересчитывать ему пришлось ссыльных.

Все силы у него ушли на путешествие по будущему ГУЛАГу. Он написал книгу «Остров Сахалин», которую, кроме специалистов, никто не прочитал, как и пушкинскую «Историю Пугачева». Пушкина сочли историей, а Чехова — географией.

В России же эти два предмета неразделимы.

Можно увидеть и в этом пушкинском завет: Пушкин собирался в Китай с тайным намерением навестить в Сибири ссыльных друзей-декабристов.

В 2002 году мне выпал шанс повторить чеховский маршрут с одной

Все слишком недавно. Русская литература прошла свое великое развитие, от Пушкина и Гоголя до Чехова и Блока, за каких-то сто лет